

Услышав позади ровное и размеренное дыхание, Сюй Сы с облегчением выдохнул — его сердце, до этого висевшее на волоске, немного успокоилось. Он вновь исподтишка попытался позвать 2333.

[Динь-дон]

— Добрый вечер, господин Сюй. — Тон 2333 был непринуждённым, казалось, система была чем-то очень довольна.

— Ох, а вот я совсем не в порядке. — Слыша радость 2333, Сюй Сы помрачнел ещё сильнее. — Нельзя было довести дело до конца? Обязательно было забрасывать нас сюда, чтобы мы устраивали шоу о выживании на необитаемом острове?

— Я создаю для вас возможность уединиться, — с абсолютно праведным видом заявило 2333. — Думаешь, в обычных обстоятельствах у тебя бы выпал шанс сблизиться с главой мафии?

— Я... — Ладно, тут не поспоришь, всё верно.

Сюй Сы лишился дарха речи и слегка пал духом.

— Ну и в чём заключается эта психологическая травма Ци Цзунхэ?

— Его мать умерла от передозировки наркотиков. В своё время ради дозы она безжалостно продала его главарю наркокартеля. Позже благодаря собственным усилиям он пробился на самый верх этой преступной группировки, возвысил её, а основную деятельность распространил с наркоторговли на самые разные сферы, — на одном дыхании выпалило 2333 и долго не получало ответа.

— Господин Сюй? Господин Сюй, вы уснули? Господин Сюй?

Сюй Сы:

— Я умер.

25. Я отказываюсь быть Робинзоном (3)

На следующее утро Сюй Сы проснулся от дикой жажды. Во рту пересохло так, будто горло вместе с лёгкими обжгло пламя; он попытался пощёлкать языком, но во рту не осталось даже слюны. Тело было абсолютно обессиленным, раскалывалась голова. Он попытался приподнять тяжёлые веки, но едва приоткрыл их, как яркое, палящее солнце заставило его тут же зажмуриться, а перед глазами заплескали разноцветные круги.

Если прикинуть, то с момента падения в море он уже двое суток и один день не сделал ни глотка воды — в общей сложности прошло около сорока часов. Общеизвестно, что абсолютный предел выживаемости обычного человека в голоде составляет семь дней, а без единой капли еды и воды человек может продержаться максимум трое суток.

Если срочно не найти воду и пищу, он попросту умрёт мучительной смертью от голода или жажды.

От этой мысли чувство приближающейся смерти заставило его подскочить. Превозмогая боль в ноге, он резво попытался встать, но едва поднялся, как его тут же грубо уложили обратно.

— Ты чего? — Сюй Сы нахмурился и поднял голову. Его пересохший голос звучал так, будто две ржавые железные пластины скрежетали и скрипели друг о друга, от этого противного звука мурашки шли по коже. Он с усилием прочистил горло, но лучше особо не стало. — Нам нужно найти пресную воду.

Будучи человеком, равнодушным к голосам, из-за отвращения к собственному нынешнему звучанию он почти потерял желание разговаривать.

— Мм, — Ци Цзунхэ, судя по всему, проснулся раньше него и уже успел совершить небольшую вылазку: в его взъероманных, похожих на птичье гнездо волосах застряло несколько листочков. Он тяжело вздохнул, присел на корточки перед Сюй Сы и посмотрел на него с суровым выражением лица. — Выворачивай всё, что у тебя есть.

Сюй Сы послушно подчинился. Непонятно почему, но ему казалось, что Ци Цзунхэ гораздо надёжнее его самого — возможно, аура крупного мафиозного босса была настолько мощной, что заставляла окружающих невольно чувствовать себя его шестёрками.

Покопавшись во всех карманах форменного кителя, включая тайные, и проверив каждый по очереди, Сюй Сы обнаружил, что Фэн Цзюэ страдал не только наркотической зависимостью, но и пагубной страстью ко всяким сладостям...

В найденной маленькой прелестной алюминиевой коробочке обнаружили две плитки шоколада, три зефирки и шесть-семь леденцов. Сюй Сы моргнул: если объединить это с теми умопомрачительными трусами с котиками, что были на нём надеты, в душе этого Фэн Цзюэ определенно жила невероятно милая девушка! Просто слов нет.

Помимо этого, нашелся блокнот, напрочь размокший в морской воде, и золотая перьевая ручка. Стоило снять колпачок, как остатки морской воды вперемешку с синими чернилами брызнули Сюй Сы прямо на руку. С брезгливым видом стряхнув капли, он повернулся к Ци Цзунхэ.

Ци Цзунхэ тоже выложил всё, что у него осталось: визитницу, водонепроницаемые механические часы, документы вроде удостоверения личности и паспорта... а ещё... Хм?

Телефон?

Глаза Сюй Сы загорелись, и он с жадностью голодного тигра бросился вперед, но Ци Цзунхэ тут же упёлся ему в лоб ладонью.

Сюй Сы замахал руками:

— Телефон! Это же телефон! Быстро проверь, есть ли сеть... нет, погоди, проверь, ловит ли сигнал!

— Он пробыл в морской воде целую ночь, ты серьёзно думаешь, что он ещё работает? — Ци Цзунхэ закатил глаза. — К тому же это обычный китайский аппарат.

— Разве ты не крупный босс? Разве телефоны таких людей не должны изготавливаться по спецзаказу? Такие прочные, что даже если переедет грузовик, сожжёт в огне или уронишь с большой высоты, ему хоть бы хны... — Сюй Сы возмущённо жестикулировал, а затем покосился на часы марки Patek Philippe со сложным механизмом и сапфировым стеклом, которые стоили как чужая вилла, и недоумённо уставился на этот уродливый и древний мобильник. Судя по модели, он соперничал с неубиваемыми «кирпичами» от Nokia.

Вспыхнувшая надежда тут же рухнула: телефон самого Фэн Цзуэ смыло волнами ещё в море. Все средства связи были уничтожены, и Сюй Сы мгновенно сник, его плечи безвольно опустились.

Ци Цзунхэ даже не взглянул на его унылую физиономию: он с трепетом вытер антикварный телефон со всех сторон, бережно сунул его обратно в карман и надел часы. Даже несмотря на то, что он выглядел потрепанным в своей нелепой цветастой рубашке и жилетке, а на голове красовалось птичье гнездо, Сюй Сы был вынужден признать: то, как этот мужчина, прислонившись спиной к дереву, одной рукой застёгивал ремешок часов, выглядело чертовски круто.

Солнечные лучи пробивались сквозь ветки и пятнами ложились на его слегка уставшее лицо. Прикрыв веки, он небрежно согнул руку в локте; выступали крепкие запястья, а на напряжённом предплечье отчётливо проступал рельеф бицепса — не карикатурно огромного, а именно настоящего, такого, который не накачаешь простым посещением модных качалок и употреблением протеиновых коктейлей. Плавные линии, подтянутые и гармоничные мышцы. Стоило задержать на них взгляд, как в голове тут же закипали бушующие гормоны.

Интересно... есть ли у него под рубашкой кубики пресса?

— Не пьясь на меня так, я ведь могу и не сдержаться. — Ци Цзунхэ изогнул губы в улыбке и поднял взгляд.

Сюй Сы с видом знатока презрительно зыркнул на него и неохотно отвёл глаза.

Говорят, что сытость рождает блуд, но Сюй Сы считал, что это утверждение спорно. Он развернул кусочек шоколада и бросил второй Ци Цзунхэ.

Погодите-ка... Жуя приторно-сладкий шоколад, Сюй Сы вдруг что-то сообразил и бестолково переспросил:

— В смысле — не сдержаться?

Я гей, я совершенно естественно смотрю на мужчин и открыто ими фантазирую, а ты от чего не можешь удержаться? Неужели ты тоже...

Руководствуясь чисто гейской интуицией, Сюй Сы отчётливо уловил исходящую от сидевшего напротив мужчины знакомую ауру.

Ци Цзунхэ зажал в зубах шоколадку, многозначительно посмотрел на него, затем его взгляд опустился ниже, задержался на талии Сюй Сы, медленно скользнул по кругу, после чего он приподнял бровь, тряхнул головой и решительно зашагал прочь.

Сюй Сы опустил взгляд на самого себя и почувствовал, как в районе поясницы внезапно стало как-то не по себе... Этот взгляд Ци Цзунхэ напоминал поведение покупателя на рынке, который, придирчиво покрутив мясо, не только решает его не брать, но ещё и с брезгливым видом мысленно обзывает несвежим.

— Тьфу! — Подумать только, вздумал заигрывать со мной! — Сюй Сы хотел смачно сплюнуть, но тут же вспомнил, что слюна сейчас на вес золота, и, проглотив плевок, сдержался.

Следуя по пятам за Ци Цзунхэ, Сюй Сы понятия не имел, что тот ищет. Он просто волочил отчаянно тяжёлые ноги, полностью отключив мозг, к тому же чувствовал: если он сейчас же не напьётся, то точно загнётся.

— Умеешь лазать по деревьям? — неожиданно обернувшись, спросил Ци Цзунхэ.

— Умею, — автоматически ответил Сюй Сы.

— И с одной ногой тоже?

— Пф, сразу видно, что ты никогда не лазал. Способов взбираться на деревья масса. Один из них по принципу похож на подтягивания: пока у тебя хватает силы в руках, тебе нужно максимум три точки опоры. Подумаешь, минус нога, всё равно залезу. — Сюй Сы бесстыдно принялся расхваливать себя.

Ци Цзунхэ кивнул, глядя при этом слегка озадаченным, но затем словно отбросил все сомнения и кивнул вверх:

— Я-то поначалу переживал... Ну раз так, тогда выручай.

Сюй Сы поднял взгляд следом за его рукой. Солнце слепило глаза, и ему пришлось прикрыть их ладонью.

Это что... кокосы?

Сюй Сы: «...»

— Невысоко, на глаз метров пятнадцать, — ласково улыбнулся ему Ци Цзунхэ.

Пятнадцать метров, матушки-мои! Пятнадцать метров — это же высота пятиэтажного дома! Да он в прошлой жизни как раз погиб при падении с высоты! У него же психологическая травма, он боится высоты! Я не буду этого делать!

Пока Сюй Сы, замирая от страха и ежесекундно рискуя сорваться и превратиться в лепёшку, сбрасывал вниз кокосы, он предавался философским размышлениям о жизни: пройдя через все семь миров, он, пожалуй, окончательно потеряет всякий интерес к существованию. Зачем вообще жить, к чему так измываться над собой?

Наконец обобрав догола одно дерево, Сюй Сы, обхватив стволы ногами, осторожно спустился вниз. Поскольку для лазания требовалось сильное сцепление, а жёсткая подошва парадных туфель из комплекта формы Фэн Цзюэ совершенно не держала на коре, ему пришлось ползать босиком.

Слезать с дерева гораздо труднее, чем забираться на него: при спуске основная масса тела приходится на ноги. Но поскольку одна нога Сюй Сы была зафиксирована и не могла двигаться — любое движение отзывалось пронзительной болью — ему приходилось опираться исключительно на левую ногу. Очень скоро он понял, что сил в мышцах больше не осталось. А между тем до земли оставалось ещё примерно три-четыре метра.

Если он сейчас просто прыгнет, то наверняка переломает обе ноги.

Однако обстановка совершенно не оставляла времени на раздумья: истощение сил привело к тому, что левая нога заупокойно задрожала, пот на руках свёл трение к минимуму, а перед глазами вновь промелькнули сценки из того самого падения. Гортань болезненно сжалась, он глянул вниз и почувствовал приступ головокружения.

— В чём дело? — Сюй Сы замер на месте, а снизу донёсся слегка встревоженный голос Ци Цзунхэ.

Мёртвой хваткой вцепившись в ствол и чувствуя, как сводит мышцы, Сюй Сы проговорил сквозь слёзы:

— Я... у меня больше нет сил.

— Прыгай, я поймаю, — без колебаний отбросив кокосы, Ци Цзунхэ широко раскинул руки. — Не бойся.

Точно так же, как во время крушения самолета: этот крупный босс совершенно ничего не боялся.

В самую последнюю секунду, когда силы окончательно оставили его, Сюй Сы зажмурился, метнулся прямо в объятия Ци Цзунхэ и разжал руки.

Открыв глаза, он вновь встретился взглядом с парой насмешливых глаз. При ярком солнечном свете они казались не чисто чёрными, а светло-карими, под цвет древесной коры; этот оттенок прекрасно гармонировал с цветом его волос и мягко мерцал на свету.

При росте почти метр восемьдесят Фэн Цзюэ весил не меньше шестидесяти с лишним килограммов, но Ци Цзунхэ поймал его на лету и выдержал весь удар. Инерция заставила его сжать зубы до хруста, на шее вздулась вена, он качнулся назад, но всё же устоял на ногах.

Пару секунд они молча пялились друг на друга. Поза на руках в стиле принцессы выглядела довольно неловко, и Сюй Сы густо покраснел. Кашлянув, он отчаянно заворочался, требуя опустить его на землю.

Однако тот не спешил выполнять его требование: Ци Цзунхэ отпинал в сторону валявшиеся сухие ветки и камни, сгреб в кучу опавшие листья и только после этого бережно опустил Сюй Сы на мягкую подстилку из листьев.

— Прости, у тебя и так травма, а я заставил тебя лезть на дерево. — Ци Цзунхэ стянул с Сюй Сы носки и туфли, тщательно утёр его босые ступни, уложил к себе на колени и принялся с удивительной ловкостью надевать носки обратно. — Возможно, ты мне не поверишь, но я сам лазать по деревьям не умею.

Не то чтобы не умеет, а не может? Сюй Сы приподнял бровь и вопросительно уставился на него.

Кончики пальцев Ци Цзунхэ то ли специально, то ли случайно задела его подошву. Сюй Сы боялся щекотки и несколько раз попытался отдёргнуть ногу, но Ци Цзунхэ держал её мертвой хваткой тисков.

Закончив с носками, он перешёл к туфлям. На мгновение подняв голову, Ци Цзунхэ встретился

взглядом с его ошеломлённым лицом ребёнка-почемучки и слабо улыбнулся:

— А, мне в прошлом сухожилия на ногах перерезали.

Сюй Сы внутренне сжался.

— Хоть их вовремя и сшили, остались последствия. Ахиллово сухожилие нельзя перенапрягать.

— Лицо Ци Цзунхэ помрачнело, а в голосе прозвучала глубокая тоска.

Перерезали сухожилия? Тсс... от одной мысли сводило зубы. Сюй Сы поморщился и, глядя на человека, который так сосредоточенно шнуровал ему обувь, почувствовал лёгкую жалость, заметив вихры на его макушке.

Похоже, быть крупным боссом тоже не так-то просто.

Поддавшись какому-то внутреннему импульсу, Сюй Сы протянул руку и успокаивающе потрепал его взъерошенную золотистую шевелюру.

Движения Ци Цзунхэ на мгновение замерли. Сделав короткую паузу, он вскинул своё ослепительно красивое лицо и ослепительно улыбнулся:

— Ты же не думал, что это правда?

Он шлёпнул Сюй Сы по грязной руке и закатил глаза.

Сюй Сы: «...»

Да ему прямая дорога в актёры, пропадает же талант! Сюй Сы мгновенно сбросил с лица выражение вселенской скорби и злобно уставился на то, как тот принялся раскалывать кокосы о крупный валун.

Мысленно представляя на месте этого кокоса, подпрыгивающего от ударов, ту самую наглую собаку, что обманула честного малого, он вложил в удар всю злость. Раздался звонкий треск, и Сюй Сы с облегчением выдохнул, чувствуя себя так, словно только что лично отлупил какого-то мерзавца.

— Держи. — Ци Цзунхэ протянул ему половину скорлупы, и Сюй Сы радостно принял угощение.

Но не успел он поднести кокос ко рту, как из зарослей позади выскочила какая-то фигура,хватила кокос прямо у него из рук, попутно оттолкнув его самого. Сюй Сы от неожиданности

повалился на землю. Потеряв еду прямо из-под носа, он мгновенно расвирепел, вскочил, ухватил наглеца за воротник и замахнулся кулаком.

А тот в обнимку с кокосом принялся жадно пить молоко, совершенно не обращая внимания на то, что его держат за грудки. Осушив скорлупу до дна, он продолжал судорожно прижимать её к груди с таким видом: «бей меня, хоть убей, а кокос не отдам», демонстрируя поистине железобетонную упёртость.

— Господин Фань? — Сюй Сы окинул взглядом этого неузнаваемого дикаря.

Фань Минхуэй.

26. Я отказываюсь быть Робинзоном (4)

Честно говоря, если бы не сияющая лысина Фань Минхуэя и его фирменная средиземноморская плешь на голове, Сюй Сы ни за что бы не признал в этом человеке того добродушного толстяка, похожего на пухлого Будду Майтрею.

Интересно, он раньше был просто рыхлым или это отёки? Почему прошло всего два дня, а этот толстяк так сильно усох? Тройной подбородок превратился в двойной, а живот уменьшился с размеров шестимесячной беременности до... четырёх месяцев? Подобная трансформация не уступала длинношерстным домашним кошкам: в обычное время они выглядят внушительно и мощно, а стоит их искупать, как вся их «масса» куда-то исчезает и под шерстью оказывается пара несчастных граммов мяса.

Но изменилась не только фигура, прикинул про себя Сюй Сы, почему ему казалось, что и характер претерпел изменения?

Погодите, куда делся образ великого филантропа, доброжелательного и мягкого благодетеля? Почему он смотрит на меня с таким свирепым и кровожадным выражением? Эй! Ты отнял мою еду и ещё смеешь так борзеть? Ты что, хочешь получить ещё один взгляд исподлобья?

Ци Цзунхэ смотрел на двух оборванцев разного роста, которые напоминали ошестинившихся ежей и сверлили друг друга глазами. Оба выглядели неопрятно, в грязной и рваной одежде, в точности как два бродяги, не поделивших прибыльное место на оживленной улице.

Не удержавшись, он тихонько усмехнулся и протянул оставшуюся у него половину кокоса Сюй Сы:

— Забей, чего с пожилого человека взять?

Сюй Сы презрительно покосился на него:

— Ты думаешь, раз у него залысины, так он старик? Ему за сорок, в самом расцвете сил, между прочим!

Ци Цзунхэ и Фань Минхуэй: «...»

Фань Минхуэй сначала даже не заметил Ци Цзунхэ — вернее, не узнал его. Но стоило ему приглядеться, как он мгновенно стёр с лица всю воинственность и расплылся в такой улыбке, при которой глаза полностью исчезли:

— Ой, неужели это господин Ци? Ой, прошу прощения, тысяча извинений, покорнейше прошу простить! — Затем он повернулся к Сюй Сы и заискивающе закивал: — Молодой человек, я от сильной жажды чуть не потерял сознание, увидел воду и совсем потерял голову, тысяча извинений!

Однако, принося извинения, он по-прежнему мёртвой хваткой вжимал кокос в грудь и ни капли не собирался возвращать добычу.

Сюй Сы фыркнул, с недовольным видом принял у Ци Цзунхэ другую половинку кокоса, прищурившись уставился на Фань Минхуэя и залпом осушил её до дна. Его пронизывающий до костей и полный угроз взгляд ясно давал понять: он в любой момент готов отразить новую попытку грабежа, настолько сильным было чувство собственника по отношению к еде.

Фань Минхуэй с виноватым видом потёр ладони, залез в карман рубашки и достал оттуда невероятно пеструю визитницу. Вытащив визитку, он согнулся в поклоне и протянул её Ци Цзунхэ:

— Господин Ци, не знаю, помните ли вы меня.

Ци Цзунхэ уже освоил технику раскалывания кокосов, ловко расколол ещё один, приподнял бровь, с интересом оглядел его, словно пытаясь вспомнить, и всё-таки взял визитку.

А затем вот так просто... брезгливо выбросил её.

— Не помню. — Он холодно опустил голову и продолжил пить кокосовое молоко.

Красавчик! Мысленно Сюй Сы поставил ему лайк.

Получив от ворот поворот, Фань Минхуэй смутился еще сильнее. На его блестящей лысине под палящим солнцем выступили капельки пота, и он выглядел крайне неловко.

Когда Ци Цзунхэ и Сюй Сы допили кокосы и, прихватив по два крупных плода каждый, решили отправиться на поиски укрытия, Фань Минхуэй молча поплелся следом. Он семенил сзади,

словно притихшая молодая жена, не решаясь подходить слишком близко.

Сюй Сы толкнул Ци Цзунхэ локтем в бок:

— Эй, он увязался за нами. Ну как, босс, возьмём его с собой?

Ци Цзунхэ казалось, что у Сюй Сы какие-то странные представления о нём, будто он — главарь уличной шпаны, но объяснять что-либо ему не хотелось, поэтому он оставил вопрос без ответа.

Вообще-то с этим Фань Минхуэем они пересекались лишь однажды, и у Ци Цзунхэ осталось о нём лишь смутное воспоминание. Однако после завершения сделки и получения денег он предпочитал избегать любых связей с бывшими заказчиками, поэтому просто предпочёл прикинуться забывчивым.

Этот Фань Минхуэй... Ци Цзунхэ нахмурился, впрочем, ладно, неважно. Еще неизвестно, удастся ли им вообще выбраться с этого необитаемого острова, а лишний человек в команде — это дополнительная рабочая сила. Оставить его вполне можно, если только тот не начнет строить козни.

Остров располагался в тропическом поясе, где царил жаркий и дождливый климат. Не успели трое пройти и пары сотен метров, как солнце, до этого палившее вовсю, скрылось, и на них обрушился тропический ливень, промочивший всех до нитки.

Дождь — это пресная вода! Ци Цзунхэ на секунду замер, а затем бросился бежать обратно к той самой кокосовой пальме, возле которой они только что стояли.

— Эй-эй-эй? — Сюй Сы отряхнул полностью промокшие волосы, утёр лицо и, притоптывая, хромая, поспешил за ним.

Добравшись до места, он увидел, что Ци Цзунхэ собирает разбросанные ранее кокосовые скорлупки. Он отбирал те из них, что были разбиты аккуратнее и сохранили правильную полукруглую форму, раскладывал их отверстием вверх и подпирал по бокам маленькими камешками, чтобы округлое дно не давало им опрокинуться.

Дождь шёл стеной — сильный, бурный, но короткий. Прошло едва ли минут двадцать, как ливневые потоки внезапно прекратились.

— Собираем дождевую воду? — Если после всех этих манипуляций кто-то всё ещё не понял задумку, значит, у этого человека напрочь отсутствовал бытовой опыт. Сюй Сы в очередной раз убедился, что следовать за крупным боссом — абсолютно верное решение.

В семи-восьми скорлупках набралось больше половины дождевой воды вперемешку с остатками кокосового сока. Водичка мутноватая, но Ци Цзунхэ всё равно облегчённо вздохнул.

Дождевая вода, конечно, уступала чистой питьевой, но в их нынешнем положении выбирать не приходилось, проблема с водой была временно решена. К тому же здесь, судя по всему, дожди шли почти каждый день, так что стоило заготовить побольше кокосовых скорлупок, и жажда им больше не грозила.

Одежда насквозь промокла под дождём и неприятно липла к телу. Ци Цзунхэ встряхнул воротник и обернулся, встретившись взглядом с сияющими глазами Сюй Сы и манящей улыбкой на его губах.

Проследив за его обжигающим взглядом, Ци Цзунхэ опустил глаза на себя и вспомнил про один критический недостаток белых рубашек — они имеют свойство становиться прозрачными при намокании.

Сюй Сы вовсе не собирался смотреть на него с таким откровенным подтекстом, да и вообще чувствовал себя несчастным: как нормальный, темпераментный мужчина с вполне здоровыми потребностями, он просто не мог не смотреть на открывшуюся перед его глазами будоражающую кровь картину — глаза сами собой прилипали к цели.

Неизвестно, когда именно у рубашки Ци Цзунхэ расстегнулись четыре пуговицы, и теперь она болталась на нём, словно рваная тряпка, обнажая широкую медовую грудь. Соски угадывались сквозь мокрую ткань нечётко, но туго обтянутые влажным материалом рельефные бугорки с бесстыдным видом притягивали к себе всё внимание Сюй Сы.

Соблазн мокрого тела...

<http://bllate.org/book/19095/1875340>